

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

FIRST RUSSIAN REVOLUTION AND BELARUSIAN NATIONAL REVIVAL

С. Л. Луговцова,

кандидат исторических наук, доцент.
Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск,
кафедра истории России

S. L. Lougovtsova,

Candidate of historical Sciences, associate Professor.
Belarusian state University (BSU), Minsk,
The Department of history of Russia

Ключевые слова: революция, Беларусь, национальное возрождение, «Наша Нива», интеллигенция, разобщенность.

Key Words: Revolution, Belarus, national revival, «Nasha Niva», intellectuals, disunity.

Резюме: Статья посвящена анализу обстановки в редакции «Нашей Нивы» в сложный для национального возрождения период после поражения Первой российской революции 1905—1907 гг. Автора волнует проблема разобщенности, взаимного недоверия, царившая в среде белорусской интеллигенции. На взгляд автора, на всем протяжении XX—XXI вв. названная проблема оставалась актуальной. Умение идти на компромисс, взаимное доверие по-прежнему являются остро востребованными в белорусском обществе для решения не только национальных, но и социально-экономических задач.

Summary: The article analyzes the situation in the editorial office of «Nasha Niva» during the complex for the National Revival period after the defeat of the first Russian revolution 1905—1907. Author concerned about the problem of disunity, mutual distrust that prevailed among the Belarusian intellectuals. According to the author, the designated problem remained topical throughout the XX—XXI centuries. The ability to meet each other halfway, mutual trust are still keenly demanded in the Belarusian society to solve national and socio-economic problems.

В данной статье анализируются эпизоды из жизнедеятельности редакции «Нашей Нивы» в тягостный для всех участников коллектива пе-

риод реакции 1909—1910 гг. Автора волнует вопрос о том, насколько осмыслены уроки того времени в современном обществе.

Революции 1905—1907 гг. открыла новые возможности для развития национально-просветительского движения народов Российской империи. Его главной целью на территории Беларуси являлось пробуждение национального самосознания всех слоев белорусского народа. В 1906 г. в издательстве «Загляне сонца і ў наша ваконца» (Санкт-Петербург) вышли сразу три белорусских букваря: «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання» Каруся Каганца, «Першае чытанне для дзетак беларусаў» і «Гасцінец для малых дзетак» Тётки (Алоизы Пашкевич). Появился легальный печатный орган Белорусской социалистической громады (БСГ) — газета «Наша доля», которая начала издаваться с 1 сентября 1906 г. (для белорусов-православных — кириллицей, для католиков — латинским алфавитом). После запрета газеты в январе 1907 г. Виленской судебной палатой руководство БСГ наладило издание в Вильно новой еженедельной газеты «Наша нива». В 1907 г. БСГ фактически прекратила активную деятельность и сконцентрировалась на издании «Нашей нивы». Именно вокруг газеты сгруппировалась плеяда белорусских деятелей культуры, принимавших активное участие в культурной и общественно-политической жизни региона.

Одни из деятелей белорусского национального возрождения к началу Первой российской революции уже имели за плечами творческий багаж, другие только пробовали свои силы на литературной ниве, но именно в годы революции все они смогли впервые опубликовать свои произведения, найти своего читателя. Так, в 1906 г. в «Нашей доле» вышел рассказ «Суд» Ядвигина Ш. (Антоня Левицкого). На протяжении 1906—1907 гг. в «Нашей ниве» были опубликованы стихотворения Владислава Голубка, Альберта Павловича, А. Гаруна (Александра Прушинского), Змитрока Бядули (Самуила Плавника) [1, с. 10—12].

Наиболее ярко на небосводе белорусского возрождения в годы революции зажглась творческая звезда Янки Купалы. Впервые его стихотворение «Мужык» было опубликовано в мае 1905 г. в газете «Северо-Западный край». А в 1906—1907 гг. он уже работал над подготовкой к печати своего первого поэтического сборника «Жалейка», и в сентябре 1908 г. сборник был издан Петербургским издательством «Загляне сонца і ў наша аконца» [2, с. 58—59]. На протяжении 1906—1907 гг. Я. Купала написал поэмы «Зімою», «Нікому», «Адплата каханья». В декабре 1908 г. «Наша Нива» опубликовала его поэму «У Піліпаўку», в том же году поэт закончил работу над поэмами «Адвечная песня» і «За што?» [2, с. 196—198].

Ряд деятелей белорусского национального возрождения в годы революции были вовлечены в первую очередь в общественно-политическую деятельность. Так, Якуб Колас в 1905 г. составил пети-

цию от имени пинковичских крестьян с экономическими требованиями к помещику, за что был переведен из Пинкович на работу в Верхменское народное училище. В июле 1906 г. Я. Колас активно участвовал в работе нелегального учительского съезда, после чего ему было запрещено заниматься преподавательской деятельностью. В 1906—1908 гг. он дважды организовывал работу частных белорусских школ. За свою нелегальную деятельность в 1908 г. Я. Колас был арестован. За участие в революционных выступлениях 1905 г. также был арестован Язэп Лёсик.

После подавления революции 1907—1907 гг. наступила полоса реакции. К 1909 г. А. Пашкевич вынуждена была эмигрировать, Я. Колас отбывал срок в минской тюрьме. За антиправительственную деятельность в марте 1907 г. был арестован А. Гарун. В июле 1908 г. Виленской судебной палатой он был осужден на пожизненное поселение в Сибири и сослан в Иркутскую губернию [3, с. 10—14]. Позднее там же оказался бежавший в 1907 г. из-под ареста и вновь арестованный в 1911 г. Я. Лёсик.

После разгрома Первой российской революции надвигалась мрачная полоса реакции. Печаль, растерянность и даже отчаяние зазвучали в поэзии Я. Купалы [3, с. 135]:

Куды ідзем?...куды пракляце нас вядзе?
Якія далі здабываем?
Дзе гарт, надзея, вера ў будучыню — дзе?
Чым сэрцы, думы акрыляем?

Няшчасны край! Чым быў, чым стаў, чым будзеш ты
З сваім праслаўленым народам?
Як нёс — нясеш ярмо упадку, слепаты
І змен чакаеш год за годам.

Чакаеш ты... а толькі жалабы усё чуць;
Асот уеўся ў твае гоні;
Сыны твае загубе сілы аддаюць,
Губляюць косці ў беспрытонні.

Аналогичные мотивы звучат в воспоминаниях В. Ластовского: «Горстка беларусоў, прапаведнікаў адраджэння, сабраная каля «Нашай нівы», акружаная з усіх старон варожай атмасферай, уявіла сабе, што знаходзіцца на полі бітвы. Што напіраючая з усіх старон лавіна варожасці можа змыць іх, што, каб устаяць, патрэбны нейкі надлюдскі высілак, нейкае дзеянне такое яркае, каб, як мігавіца, асляпіла супраціўны абоз і ўстрымала яго. Такі дзіў, усім было ясна, мог адбыцца толькі ў дзедзіне духовасці, толькі ў той горстачцы, якая трымала штандар або гарнула пад яго» [5, с. 195].

После поражения революции «штандар» фактически единственного центра, вокруг которого группировались немногочисленные и слабо организованные силы белорусского возрождения, был в руках редакции «Нашей Нивы». К началу 1909 г. на постоянной основе там работали лишь шесть человек: А. Власов, братья Иван и Антон Луцкевичи, Ядвигин Ш., Я. Купала, В. Ластовский. Летом 1909 г. из Киева приехал С. Полуян. Однако даже «лавина варожаści», которая угрожала смыть редакцию белорусского издания, и совместная работа не создали внутри этой горстки деятелей белорусского возрождения атмосферы взаимного доверия и единения. Состав редакции в 1909—1910 гг. распадался на две группы, которые прибывший из Киева Сергей Полуян, метко окрестил «верхней» и «нижней» палатами. К «верхней» палате относились А. Власов и братья Луцкевичи, к «нижней» — Я. Купала, Ш. Ядвигин, В. Ластовский и сам С. Полуян. По воспоминаниям В. Ластовского, редакция в полном составе никогда не собиралась. В доме № 20 по улице Виленской, где редакция размещалась, «нижняя палата» занимала помещение бывшего магазина со стороны улицы, «верхняя палата» располагалась в комнате с входом со двора. Два помещения разделяла дверь, запертая на ключ и завешанная тяжелой тканью. По техническим вопросам сотрудники редакции общались между собою, как правило, записками, передававшимися через щель под порогом закрытой двери: «За зачыненымі і завешанымі цяжкай драпэрыяй дзвярыма ў гасподзе «верхняй» палаты вяршыліся «высокія» палітычныя матэрыі... Ад вуліцы ж у «ніжняю» палату ішла публіка «чорная» і «шэрая». Ясна, што пры такім падзеле «верхняя» і «ніжняя» палаты думалі па-рознаму, жылі рознымі ідэаламі, насілі ў сабе зародкі розных кірункаў нацыянальнай мыслі» [5, с. 186—187].

В 1909 г. В. Ластовский приехал в Вильно не один, а с женой. Им удалось снять крохотную, но все-таки отдельную квартирку в городе. Вскоре семейную пару навестила родная сестра жены Л. Пеледа — активная участница (как и сестра) литовского национального возрождения. По этому поводу было решено устроить скромное новоселье. Однако разъединение среди сотрудников «Нашей Нивы» затрагивало все стороны жизнедеятельности, поэтому за праздничным столом оказались только Антон Левицкий и Янка Купала [5, с. 193—194].

Сложные материально-бытовые условия существования стали причиной напряженных взаимоотношений и среди членов «нижней» палаты. В 1909 г. в небольшом редакционном помещении вынуждены были жить вместе Я. Купала, А. Левицкий и рабочий Нагурский. По воспоминаниям В. Ластовского, все они размещались в комнате, разделенной на три части шкафом из необструганных досок и деревянной перегородкой. Комната производила впечатление склада макулатуры, так как не только полки шкафа, но и пол вдоль стен были завалены газетами и бумагами.

Воздух в комнате был тяжелый, насыщенный сыростью и дымом от железной печки, на которой одновременно сушились мокрые ботинки и жарилась яичница. Когда В. Ластовский заявил, что приехал на работу в качестве постоянного члена редакции, А. Левицкий удивленно привстал, а Я. Купала, пробурчав что-то вроде: «Сам чорт тутака не ўбудзе, калі так далей будзе», — выскочил за дверь [5, с. 192—193].

Сложившиеся внутри коллектива взаимоотношения, безусловно, влияли на работу редакции. В начале 1909 г. М. Богданович впервые прислал в «Нашу Ниву» несколько стихотворений с надеждой на публикацию. За подбор поэтический произведений для каждого нового номера отвечал Я. Купала. Ему стихи понравились, кроме того, редакция руководствовалась принципом по возможности публиковать произведения новых авторов, чтобы поощрить их к дальнейшему творчеству. В результате два стихотворения были опубликованы под настоящим именем и фамилией автора. В мае 1909 г. М. Богданович прислал в «Нашу Ниву» целую тетрадку новых стихов и переводов, но на этот раз мнения в редакции разделились. Ядвигин Ш. назвал поэзию молодого автора «декаденщиной», его мнение разделяли члены «верхней» палаты. Тетрадка вернулась из «верхней» палаты в «нижнюю», перечеркнутая надписью «В архив» [5, с. 187]. После неоднократных возражений Я. Купалы Антон Луцкевич согласился опубликовать один из переводов М. Богдановича под псевдонимом Максим Крыница. Редакционная политика, направленная на сокрытие настоящих имен своих сотрудников, объяснялась стремлением «верхней» палаты сохранять монополию представительства национального движения в своих руках [5, с. 187]. М. Богданович прислал еще несколько стихотворений и письмо, в котором протестовал в превращение его в Максима Крыницу. Его стихи и в этот раз были признаны декадентскими и отправились в ту же папку с надписью «В архив», где находилась предыдущая тетрадь. Там они пролежали до конца августа, пока не были обнаружены новым сотрудником редакции С. Полуяном. Молодой С. Полуян был в восторге от поэзии М. Богдановича и с чрезвычайной настойчивостью стал доказывать необходимость публикации его произведений. Эта настойчивость принесла свои плоды. Стихи М. Богдановича без всяких псевдонимов публиковались в № 35—36, №№ 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 50, 51—52 [5, с. 188]. В редакции восторжествовало единое уважительное отношение к новому белорусскому поэту, которое в дальнейшем только развивалось и крепло. Однако, как только стихи М. Богдановича заняли постоянное место на страницах «Нашей Нивы», это вызвало непонимание и даже раздражение у других белорусских поэтов. Летом 1910 г. из Минска в Вильну в разное время приезжали А. Павлович и Вл. Голубок. Оба нападали на бессмысленность стихов М. Богдановича. По мнению, В. Ластовского, который в то время, занимал должность секретаря редакции,

«вуснамі супраціўнікаў Багдановіча гаварыла іх абражаная аўтарская амбіцыя, што ў нашай мініяцюльнай часопісі замест іх твораў займаецца месца пад вершы Багдановіча» [5, с. 188].

Сложные взаимоотношения среди сотрудников редакции «Нашей Нивы», по мнению белорусских исследователей Т. Кобржицкой и В. Рагойши, оказали негативное влияние на судьбу одного из ее членов Сергея Полуяна. Именно в годы революции определилось социальное и национальное мировоззрение С. Полуяна. Уроженец Гомельщины решил всеми силами служить своему обездоленному народу. В начале лета 1909 г. молодой литератор приехал в Вильну и с большим энтузиазмом приступил к работе в «Нашей Ниве». Однако уже в марте 1910 г. С. Полуян порывает с редакцией и возвращается в Киев. А 7 (20) апреля он покончил жизнь самоубийством. Современные белорусские исследователи задают вопрос: «Дык што ж адбылося ў Вільні? Чаму малады, поўны жадання працаваць у імя роднага народа і культуры пісьменнік павінен быў адмовіцца ад супрацоўніцтва з адзінай тагачаснай беларускай газетай?» [6, с. 13]. Т. Кобржицкая и В. Рагойша приходят к выводу, что важной причиной трагедии были сложные взаимоотношения членов «верхней» и «нижней» палат. За все время сотрудничества с «Нашей Нивой» фамилия С. Полуяна появилась на ее страницах только 4 раза, все остальные материалы были подписаны псевдонимом С. Ясенович или шли без подписи, как редакционные, хотя С. Полуян категорически возражал против сокрытия имен авторов. Статья молодого публициста «Беларуская справа і ўкраінскае грамадзянства», которую обещали издать отдельной книжкой, не только не была издана, но и потерялась где-то в пыли редакционного архива. По мнению исследователей, С. Полуян не понимал, как можно во имя некой грошовой подачки поступаться чистотой идеалов — рекламировать идейно чуждые издания или «новейшие парижские изделия» [6, с. 14]. Молодой публицист не скрывал свои взгляды, он не раз открыто спорил с «верхнепалатниками», говорил, что думал о них. Они в свою очередь платили ему тем же [6, с. 17]. Нельзя не услышать эхо взаимного непонимания и неприятия в строках стихотворения Я. Купалы «Памяці С. Палуяна» [4, с. 136]:

Для беларускіх грамадзян байцом, слугой
Так шчырым быў, а грамадзяне —
Эх! ніткаю к пятлі плацілі па адной,
Хоць колькі ўздоху ў час расстання...

Т. Кобржицкая и В. Рагойша отмечают, что до начала работы в «Нашей Ниве» белорусское национальное движение представлялось С. Полуяну в розовом цвете, а люди, которые в нем участвовали, казались «высокородными рыцарями духа» [6, с. 13]. Идеальная душа

юноши не принимала и не понимала активную игру, которую вела «верхняя палата» за поддержку «з боку царквы і некаторых буйных мясцовых чыноўнікаў, змаганне за фінансавыя падачкі, уплывы, рэкламы...» [6, с. 14]. Выводы Т. Кобрицкой и В. Рагойшы основаны на документах и воспоминаниях современников. Искренне сопереживая судьбе героя своей публикации, они на наш взгляд, увлекаются в обличении «верхнепалатников». Не замечая, что идеализм таких ярких фигур, какой, безусловно, был С. Полуян, не умение и не желание идти на компромиссы, стремление замкнуть национальное движение в узком круге однородно-демократических сил несло не менее разрушающий заряд, как окружающим людям, так и белорусскому движению в целом.

Уроки 1909—1910 гг. оказались маловостребованными в среде белорусской интеллигенции. Феномен бескомпромиссности в отстаивании своих идеалов вновь ярко проявился в бурные 1917—1920-е гг. Тщательно проанализировав деятельность трех Народных секретариатов Белорусской Народной Республики (БНР), польская исследовательница Дорота Михалюк пришла к выводу, что радикальная позиция членов правительства не дала возможности расширить социальную базу национального движения, включить в его состав ту часть местных землевладельцев, которые с большой симпатией относились к идее белорусской государственности [7, с. 286]. По мнению Д. Михалюк, в ситуации «калі Беларусь і беларускі народ не мелі прызнання на міжнароднай арэне, наяўнасць унутранай барацьбы і падзелу ў беларускім асяроддзі варта прызнаць не проста самазабойствам, але і палітычнай бяздумнасцю» [7, с. 287].

К сожалению, на новом витке создания государственности в 90-е гг. XX в. представители белорусской интеллигенции, творящие на ниве национального возрождения, вновь оказались расколоты на малочисленные и часто непримиримые группы, растворились в пестрой мозаике политических партий. В результате решение вопросов национального развития отодвигалось на все более далекое будущее. Успешную стратегию, основанную на объединении вокруг идеи национального возрождения максимально широких сил, стремлении не фокусироваться на второстепенных вопросах и разногласиях, продемонстрировала литовская интеллигенция. В частности, известный литовский поэт и правозащитник Томас Венцлова вспоминал, что далеко не всегда был согласен с В. Ландсбергисом и политикой «Саюдиса»: «Я знал, что многие люди в «Саюдисе» мечтают о моноэтническом Вильнюсе, ценят единство больше, чем разнообразие, навязывают историю, в которой правы только литовцы, а историческая отсталость становится знаком благородства. Ландсбергис мне казался не столько демократом, сколько националистом (позднее он не раз подтвердил такую репутацию). □ ...□ Одним словом, я боялся, что мой город может постичь судьба Сараева, но не

решался критиковать «Саюдис», поскольку понимал, что он — главная, быть может, единственная надежда на освобождение» [8, с. 259—260]. Можно не сомневаться, что голос основателя Литовской Хельсинкской группы в 1990-е гг. обязательно услышали бы на его родине. Но Т. Венцлова молчал. Это был его личный выбор и компромисс. На наш взгляд, готовность к компромиссу представителей современной белорусской политической элиты может определить саму возможность выбора альтернативных вариантов развития.

Литература

1. *Івашын В. У.* Рэвалюцыя 1905—1907 гг. і развіццё беларускай літаратуры. Мінск: АН БССР, 1955. 60 с.
2. *Івашын В. У.* Янка Купала. Творчасць перыяду рэвалюцыі 1905—1907 гг. / Рэд. К. К. Крапіва. Мінск: АН БССР, 1953. 208 с.
3. *Казбярук У.* Пакутлівы шлях і творчыя здабыткі А. Гаруна // Гарун А. Выбраныя творы. Мінск: Беларус. Кнігазбор, 2003. С. 5—30.
4. *Янка Купала.* Памяці С. Палуяна / Лісты ў будучыню. Проза. Публіцыстыка. Крытыка / Сяргей Палуян. Уступ. слова І. Шамякіна. Уклад, падрыхт. тэксту; прадм і камент. Т. Кабржыцкай, В. Рагойшы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. С. 135—137.
5. *Ластоўскі В.* Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. Мінск, 1997. 500 с.
6. *Кабржыцкая Т., Рагойша В.* Ускрылены рэвалюцыяй // Палуян С. Е. Лісты ў будучыню. / Уступ. слова І. Шамякіна. Уклад, падрыхт. тэксту; прадм і камент. Т. Кабржыцкай, В. Рагойшы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. С. 6—34.
7. *Міхалюк Д.* Беларуская Народная Рэспубліка 1918—1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. / Навук. рэд. Станіслаў Рудовіч; пераклад з польскай мовы Алесь Пілецкі. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 496 с.
8. *Венцлова Т.* Вильнюс. Город в Европе. / Пер. с лит. Марии Чепайтите. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 264 с.